

Евразийский гуманитарный журнал. 2026. № 3. С. 6–17.

Eurasian Humanitarian Journal. 2026. No. 3. P. 6-17.

Научная статья

УДК 811.161.1'36

EDN: EOQNZM

doi:10.17072/2587-6589-2026-3-6-17

<https://elibrary.ru/eoqnzm>

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КАТЕГОРИИ ИНСТРУМЕНТАЛЬНОСТИ

Тимофей Георгиевич Горин

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия,
tgjrin567@gmail.com

Аннотация. В статье исследуется категория инструментальности как сложный семантико-прагматический конструкт в функциональной грамматике. В работах ученых анализируются понятийные и семантические аспекты инструментальных отношений в русском языке. Особое внимание уделяется функционально-семантическому полю инструментальности, его полицентрической структуре, включающей центры «средство-предмет» и «средство-непредмет». Подробно рассматривается категориальная ситуация инструментальности, объединяющая субъект, объект и средство, а также регулятивную, исполнительскую и результативную фазы деятельности акта. Важным результатом работы является построение градиционной типологии инструментальных конструкций на основе степени интеграции инструмента в семантику глагола. Выделены четыре группы: глаголы с инкорпорированным инструментом, с обязательным и факультативным употреблением орудия, а также конструкции с метафорической инструментальностью. Это демонстрирует континуальный характер категории, простирающейся от физического орудия до абстрактных способов действия. Разграничение опредмеченной и неопредмеченной инструментальности позволяет расширить понимание средства за рамки материальных объектов, включая речь, эмоции и социальные действия. Центральным средством выражения остается творительный падеж, реализующий как классические орудийные, так и метафорические функции. Делается вывод о динамичном характере категории инструментальности, отражающей фундаментальные способы человеческой деятельности и познания через язык. Исследование подтверждает статус инструментальности как универсальной понятийной сущности, реализующейся через разнообразные языковые средства и подтверждающей закон экономии в языке через инкорпорацию. Автор подчеркивает, что язык выступает активным инструментом конструирования реальности, а не просто кодом передачи информации, что соответствует современным тенденциям функциональной грамматики.

Ключевые слова: функциональная грамматика, семантика, инкорпорация, инструментальность, глагол.

Для цитирования: Горин Т. Г. Лингвистические аспекты категории инструментальности // Евразийский гуманитарный журнал. 2026. № 3. С. 6–17. <https://doi.org/10.17072/2587-6589-2026-3-6-17>. EDN: EOQNZM

Original article

LINGUISTIC ASPECTS OF THE CATEGORY OF INSTRUMENTALITY

Timofey G. Gorin

Perm State University, Perm, Russia, tgjin567@gmail.com

Abstract. The article examines the category of instrumentality as a complex semantic-pragmatic construct within functional grammar. In the article conceptual and semantic aspects of instrumental relations in Russian are analyzed. Special attention is paid to the functional-semantic field of instrumentality, its polycentric structure, including centers “means-object” and “means-non-object”. The categorological situation of instrumentality is detailed, uniting subject, object, and means, alongside regulatory, executive, and resultative phases of the activity act. A key result is constructing a gradational typology of instrumental constructions based on instrument integration into verb semantics. Four groups are identified: verbs with an incorporated instrument, obligatory and optional tool use, and constructions with metaphorical instrumentality. This demonstrates the continuum nature of the category, ranging from physical tools to abstract modes of action. Distinguishing objectified and non-objectified instrumentality expands understanding of means beyond material objects, including speech, emotions, and social actions. The instrumental case remains the central means of expression, realizing both classical instrumental and metaphorical functions. It is concluded that instrumentality is a dynamic category reflecting fundamental ways of human activity and cognition. The study confirms instrumentality as a universal conceptual entity, realized through diverse linguistic means and confirming the law of economy via incorporation. The author emphasizes language as an active tool for constructing reality, not just an information code, aligning with modern functional grammar.

Keywords: functional grammar, semantics, incorporation, instrumentality, verb.

For citation: Gorin T. G. Linguistic Aspects of the Category of Instrumentality. *Eurasian Humanitarian Journal*. 2026;3:6-17. (In Russ.). <https://doi.org/10.17072/2587-6589-2026-3-6-17>. EDN: EOQNZM

Введение

Категория инструментальности традиционно привлекает внимание лингвистов в силу своей универсальности и многогранности. Категория актуализируется почти всех уровнях языка — от морфологии и лексики до синтаксиса и прагматики — и отражает фундаментальные способы осмысления человеком собственной деятельности, где любое действие может осуществляться с помощью того или иного средства. Несмотря на обширную исследовательскую традицию многие аспекты инструментальности остаются

дискуссионными: соотношение предметного и абстрактного инструмента, степень интеграции инструмента в семантику глагола, границы функционально-семантического поля инструментальности.

Основная часть

Категория инструментальности в лингвистическом понимании представляет собой пересечение грамматики, семантики и прагматики. В отличие от формальных моделей, рассматривающих грамматические структуры как автономные системы, функциональная грамматика интерпретирует языковые формы в качестве предметов конструирования смысла в конкретных коммуникативных контекстах. В таком случае мы наблюдаем актуализацию категории инструментальности не просто как лингвистического феномена, связанного с описанием средства или орудия действия, но как сложного семантико-прагматического конструкта. Тенденции современной лингвистики заключаются в переходе на рассмотрение языка не просто как систему знаков, а как динамический инструмент коммуникации и познания. Язык рассматривается не как простой «код» передачи информации, а как активный, изменчивый инструмент, с помощью которого люди общаются, мыслят, конструируют реальность и взаимодействуют с миром. «Лингвистика – это наука, которая изучает не только язык, но и отражаемые в языке аспекты мышления – через язык, через языковые значения» [Бондарко 1983: 63]. Язык выступает не просто средством передачи информации, а своеобразным отражением нашего сознания, поскольку через него проявляются способы восприятия мира, категории мышления, культурные установки и даже особенности рассуждения. Исходя из этого, мы понимаем, что язык, как и мышление человека – явление изменяющееся, динамическое. «Исследования во всех аспектах, в которых проявляется динамичность языковых систем и подсистем, подтверждают необходимость теоретического осмысления всех этих явлений в совокупности» [Шустова 2010: 15]. Для того, чтобы изучить данный аспект необходимо рассмотреть несколько пунктов: понятие категорий в функциональной грамматике и понятие инструментальности.

Начнем с рассмотрения понятия категории в функциональной грамматике. Для более глубокого понимания этого аспекта нам необходимо обратиться к трудам исследователей по интересующей нас тематике. Например, А. В. Бондарко дает следующее определение грамматическим категориям (ГК): «ГК – это система рядов грамматических норм (система граммов), объединяемых обобщенным категориальным значением, представляющим собой родовое понятие по отношению к значениям компонентов данной категории как понятиям видовым» [Бондарко 2004: 8]. Более того, исследователь проводит разделение по типам понятийных категорий: «Можно выделить два уровня понятийных категорий и их систем: 1) уровень универсальных фундаментальных понятийных категорий; и 2) уровень понятийных категорий, реализующихся в семантических функциях данного языка и включающих наряду с реализациями универсальных инвариантов и не универсальные понятийные варианты» [Бондарко 1983: 63]. А. В. Бондарко рассматривает именно взаимодействие понятийных и семантических категорий, то есть, содержания (мыслей) и их языкового воплощения.

В своем исследовании Н. А. Кобрина выделяет три основных типа категорий.

I. Первый тип – категории, отражающие реальность в виде форм и предметов мысли (соответствуют философским понятиям). Они проявляются в семантике – либо в лексических группах, либо в частеречных классах – и практически неотделимы от понятийного смысла. В семантической синтаксисе такие категории обозначаются как семантические роли (актанты). Соотношение этих категорий с языковыми формами неоднозначно и зависит от типа языка: в синтетических языках одно понятие выражается одной или несколькими формами, в изолирующих – одна форма может выражать несколько понятий. Эта неоднозначность функционально значима для типологии языков.

II. Второй тип – параметрические категории (вид, время, залог, наклонение, род, число, падеж). Их связь с языковой формой редко бывает однозначной; они часто реализуются совместно морфологическими и синтаксическими средствами.

III. Третий тип – релятивные (операционные) категории, лежащие в основе понятийных схем. Они отражают соотношения между действиями / событиями и участвующими в них субъектами, являясь образным отражением реальности. При выборе семантического предиката и заполнении всех позиций схемы такая структура превращается в пропозицию. Эти категории лежат в основе различных структурных и коммуникативных типов предложения и реализуются через семантические сущности языка. [Кобрина 1989: 43–44]. Благодаря этой классификации в нашей работе предлагается системный взгляд на типологию категорий.

Инструментальность рассматривается как семантическая категория. Семантические категории выделяются на основе их регулярной представленности в структурах конкретных языков. Они рассматриваются как понятийные (мыслительные, когнитивные) сущности, так как фиксируют единство мира и единство его восприятия, актуализируя определенные функции [Шустова 2023: 50]. В работе Н. В. Лосевой и Т. В. Брагиной инструментальность рассматривается как «один из базовых универсальных концептов, входящих в языковое сознание на довербальном предметно-семантическом уровне» [Лосева, Брагина 2020: 108].

Инструмент присутствует в любом виде человеческой жизнедеятельности. А это, в свою очередь, указывает на широкую представленность данной категориальной ситуации в языке. «Категория инструментальности неоднородна и включает в себя ряд субкатегорий, связанных с обозначением орудия, средства, посредника, способа совершения действия и др.» [Лосева Брагина, 2020: 108].

В связи с этим возникает необходимость разделения глаголов инструментальной семантики на два подтипа: глаголы, включающие в свой семантический потенциал значение опредмеченной инструментальности (далее – ГПИ) и неопредмеченной (далее – ГНПИ). ГПИ представляют собой способ осуществления определенного действия посредством определенного предмета, физической вещи, в то время, как ГНПИ – посредством способа. Данное теоретическое разграничение позволяет выйти за рамки традиционного понимания «инструмента» как физического орудия (*нож, молоток, пила* и т. д.). Неопредмеченная инструментальность охватывает такие абстрактные средства, как речь, эмоции, поведение,

информация и даже социальные действия. Такой подход расширяет семантическое поле категории и позволяет анализировать сложные конструкции, где «инструментом» выступает, например, восторг или молчание как средство осуществления определенного действия. Система таких средств наблюдается в работе С. В. Шустовой: «Человек использует в качестве средств осуществления своей деятельности самые разнообразные ресурсы – предметы, действия, состояния, свойства, информацию, силы природы. Анализ многочисленных классификаций «инструментов» по денотативному признаку показывает, что на материале разных языков в первую очередь выделяется такой признак инструментальности, как предмет. Инструментальные отношения в широком смысле – не только то, что обычно понимается как орудие, но и понятия, ситуации, обстоятельства, поведение и т. д.» [Шустова 2021: 83]. Категориальная ситуация инструментальности представляет собой сложный семантико-прагматический конструкт, выходящий за рамки традиционного понимания инструмента как физического орудия. В функциональной грамматике инструментальность выступает как универсальная понятийная категория, реализующаяся в языке через разнообразные субкатегории – орудие, средство, способ, посредник и др.

Средства выражения инструментальных отношений в русском языке многообразны. На морфолого-синтаксическом уровне центральное место занимает творительный падеж, который может выражать как классическое орудийное значение (*резать ножом*), так и более абстрактные смыслы. Как отмечают Н. В. Лосева и Т. В. Брагина, категория инструментальности неоднородна и включает субкатегории орудия, средства, посредника и способа совершения действия [Лосева, Брагина 2020: 108]. Это приводит к разделению инструментальности на два крупных блока: опредмеченную и неопредмеченную.

Опредмеченная инструментальность связана с использованием конкретного физического предмета. Она может выражаться эксплицитно, через творительный падеж существительного («*бить молотком*»), или быть имплицитной, когда инструмент инкорпорирован в семантику глагола. Неопредмеченная (абстрактная) инструментальность охватывает средства, не имеющие физической природы. К ним относятся действия-способы, речь, эмоции, поведение, информация и социальные действия. Н. В. Лосева и Т. В. Брагина подчёркивают, что инструмент присутствует во всех видах человеческой жизнедеятельности, что подтверждает широкую представленность данной категории в языке [Лосева, Брагина, 2020: 108]. Так, в выражениях «*воздействовать словом*» или «*встретить молчанием*» творительный падеж реализует инструментально-метафорическую функцию, где инструмент утрачивает материальную природу. Средства выражения инструментальности варьируются от прямого указания на физический предмет до сложных метафорических конструкций, что подтверждает статус данной категории как универсальной понятийной сущности.

Анализ языкового материала, в частности дефиниционный и контекстуальный анализ функционирования глаголов инструментальной семантики, позволяет выйти за рамки бинарного деления на опредмеченную / неопредмеченную инструментальность и

построить градационную типологию инструментальных конструкций. В основу классификации положена степень интеграции инструмента в семантику глагола и его синтаксическая выраженность, что развивает идеи Ю. Д. Апресяна [Апресян 1966], Е. В. Мартынюк [Мартынюк 2014], В. В. Ярковой [Яркова 2025] и С. В. Шустовой [Шустова 2021].

Глаголы с инкорпорированным инструментом. В данной группе инструмент лексически закодирован в самом глаголе и не требует обязательного упоминания. Это прототипические инструментальные глаголы, где действие неразрывно связано с конкретным орудием. К ним относятся «пилить» (пила), «молотить» (молот), «резать» (острый предмет / резак). Синтаксическая структура предложения с такими глаголами может быть предельно краткой («Он пилит доску»), так как инструмент является частью семантического ядра.

Глаголы с обязательным употреблением прототипического инструмента. В эту группу входят глаголы, где инструмент не инкорпорирован в семантику, но содержательно обязателен для реализации действия. Инструмент может варьироваться в пределах функционального класса, однако его использование подразумевается контекстом. Классическим примером является глагол «грести», прототипическое значение которого неразрывно связано с веслом. Даже если инструмент не упомянут («Он греб к острову»), инструмент восстанавливается из семантики глагола. Если же орудие меняется (например, *на руки*), меняется и лексическое значение глагола («сгребать»).

Глаголы с факультативным инструментом. Для этой группы глаголов наличие инструмента не является семантически обязательным. Действие может быть совершено как с помощью орудия, так и без него, без изменения основного значения глагола. Примером служит глагол «чистить»: можно чистить овощи ножом, а можно руками или щёткой. Суть действия («делать чистым / очищать») сохраняется в любом случае. К этой же группе относятся глаголы «рисовать», «вытирать», «бить».

Глаголы с метафорической / абстрактной инструментальностью. В данных конструкциях инструмент утрачивает материальность и трансформируется в абстрактное средство или способ. Творительный падеж выполняет не орудийную, а инструментально-метафорическую функцию. Глагол в таких конструкциях описывает воздействие, а инструмент представляет собой абстрактную сущность. Примеры: «бороться (чем?) активной позицией», «воздействовать (чем?) словом». Глаголы не содержат инструментальной семы, но в сочетании с абстрактным существительным в творительном падеже создают инструментальный контекст.

Данная типология демонстрирует континуальность категории инструментальности, где степень связи между действием и орудием может варьироваться от полного слияния до абстрактной метафоры.

Изучая проблемы семантики инструментальных глаголов, нельзя обойти стороной понятие «функционально-семантическое поле» (ФСП). Рассматривая данное понятие, необходимо углубиться в выдвинутые другими исследователями определения этого явления.

Поскольку в 1970-е годы под руководством А. В. Бондарко сформировалось научное направление, получившее название Петербургской школы функциональной грамматики, мы начнем именно с его объяснения ФСП: «ФСП – комплекс разноуровневых средств данного языка (морфологических, синтаксических, лексико-грамматических, лексических), взаимодействующих на основе общности их семантических функций» [Бондарко 2017: 32]. А. В. Бондарко отмечает, что: «ФСП – это двусторонние единства, план содержания которых детерминируется соответствующей семантической категорией и её компонентами, а план выражения представлен разнообразными языковыми средствами, служащими (в различных сочетаниях и типах взаимодействия) для реализации функций, относящихся к данной семантической сфере. Речь идет о системе, имеющей семантическое основание» [Бондарко 2004: 11].

Исходя из этого, мы понимаем, что ключевым аспектом является взаимодействие содержания (семантического наполнения) и выражения этого в языке (различными языковыми средствами). Главенствующей характеристикой ФСП представляется его системная организация, которая раскрывается, как мы уже выяснили, через единство содержания и формы.

А. В. Бондарко в своей работе выделяет структуру ФСП: «Выделяются два основных структурных типа ФСП – моноцентрический и полицентрический. Моноцентрический тип структуры ФСП наиболее четко представлен полями, в центре которых находится определенная грамматическая категория, концентрирующая в целостной системе специализированное и регулярное выражение данного круга функций. Ср. отношения: глагольное время и темпоральное, вид глагола и аспектуальное, лицо и персональное, залог и залоговое. К полицентрическому типу относятся такие поля, как таксис (зависимый и независимый), качественность (атрибутивная и предикативная), бытийность (дискретная и недискретная), посессивное (атрибутивная и предикативная)» [Бондарко 2004: 14].

Благодаря этой структуризации наблюдается разница в структурных типах функционально-семантических полей, что дает нам более глубокое понимание этого явления. Помимо этого, А. В. Бондарко описывает центр и периферию функционально-семантических полей в своей работе: «Центр поля характеризуется совокупностью следующих черт:

- 1) максимальная концентрация базисных семантических признаков, определяющих качественную специфику данного ФСП (центр) – разреженность таких признаков (периферия);
- 2) сосредоточение связей языковых единиц, участие в максимальном числе оппозиций (центр) рассредоточение «сетки связей», их ослабление, проявление той или иной степени изолированности (периферия);
- 3) наибольшая специализация данного языкового средства или системы средств для реализации определенных семантических функций (центр) – меньшая степень специализации (периферия);

4) регулярность функционирования данного языкового средства или комплекса средств (центр) нерегулярность или меньшая степень регулярности, меньшая употребительность (периферия). Существенны такие факторы, как постепенность переходов от центра к периферии, частичные пересечения полей или общие сегменты» [Бондарко 1976: 204–244; 1984: 58–70].

Инструментальность в русском языке зачастую фиксируется в творительном падеже. Об этом заявляют многие исследователи в своих научных работах. Например, А. Вежицкая отмечает, что использование существительных в творительном падеже в русском языке несет за собой обозначение этого существительного в качестве инструмента: «Главная функция творительного падежа в русском языке – это, конечно, указание на орудие действия («инструмент»). Мы говорим, что эта функция главная, поскольку так предположительно следует из самого названия падежа: творительный, или инструментальный, падеж идентифицируется в любом языке как падеж, имеющий среди своих функций функцию обозначения «инструмента» [Вежицкая 1985: 312].

Категориальная ситуация инструментальности является лингвистической конструкцией, в которой актуализируются взаимоотношения между действующим субъектом, целенаправленным действием и средством (инструментом), с помощью которого это действие осуществляется. Это значит, что в любой инструментальной языковой ситуации будут упоминаться (или имплицитно подразумеваться) эти три аспекта. Отсюда можно представить характеристику категориальной ситуации инструментальности.

1) Определение самой категориальной ситуации. Инструментальная категориальная ситуация характеризуется наличием определенных аспектов: субъект, объект, средство. Помимо этого фиксируется интенция субъекта к выполнению действия и получению результата. Субъект в данном случае может являться как одним определенным человеком, так и группой людей. Субъект всегда стремится к выполнению действия и получению результата. Объект в данной типологии представляется как предмет, на который направлено действие, процесс познания со стороны субъекта. Объект может быть представлен как в материальном виде – предметы, люди, так и в идеальном – информация, социально-общественные отношения и т. д. Более того, одна и та же вещь может представлять как субъект, так и объект деятельности, если деятельность направлена на эту же вещь. Средство может быть представлено как собственно материальными инструментами для воздействия, так и действиями человека, его свойствами и т. д.

2) Фазы деятельности акта. Регулятивная фаза: средство, которое помогает реализовать цель. Исполнительская фаза: средство, используемое для выполнения действия. Результативная фаза: средство, которое способствует достижению результата [Холле 2000: 23].

3) Функционально-семантическое поле. Функционально-семантическое поле инструментальности включает два центра: 1) средство-предмет (орудие): физические объекты, используемые для выполнения действий; 2) средство-непредмет (способ): абстрактные методы или подходы к выполнению действий [Ямшанова 1991: 68–80].

Инструментальность всегда выражает взаимоотношение субъект-объект-средство, выражается определенными фазами деятельностного акта и является полицентрическим функционально-семантическим полем [Рябкин 2025: 19].

Таким образом, представленные подходы позволяют систематизировать теоретические представления о ФСП и конкретизировать их применительно к категории инструментальности и ее семантике.

Заключение

В работе показано, что инструментальность представляет собой не просто формальную структуру, а сложный семантико-прагматический конструкт, который в функциональной грамматике трактуется как универсальная понятийная категория, отражающая деятельностный характер языка и мышления. Изначально центральным средством выражения инструментальных отношений в русском языке выступал творительный падеж, однако его функции простираются от конкретно-орудийного значения до абстрактно-метафорического, что позволяет говорить о широком спектре инструментальных смыслов.

Особое внимание уделено разграничению опредмеченной и неопредмеченной инструментальности, а также построению градиционной типологии инструментальных конструкций, включающей глаголы с инкорпорированным инструментом, глаголы с обязательным и факультативным прототипическим инструментом и конструкции с метафорической инструментальностью.

Такая типология демонстрирует континуальный характер категории, где степень связи между действием и орудием варьируется от полного слияния до метафорической трансформации.

В исследовании рассмотрено функционально-семантическое поле инструментальности, которое относится к полицентрическому типу с двумя центрами («средство-предмет» и «средство-непредмет»), а также описана категориальная ситуация инструментальности, включающая субъект, объект, средство и три фазы деятельностного акта. Таким образом, инструментальность предстаёт как динамичное, континуальное семантическое пространство, отражающее фундаментальные способы человеческой деятельности и познания.

Список литературы

1. Апресян Ю. Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики : Крат. очерк. М. : Просвещение, 1966. 302 с. EDN: PVZSJV
2. Бондарко А. В. Глагольные категории в системе функциональной грамматики. М. : Издательский Дом ЯСК, 2017. 336 с. ISBN: 978-5-9500661-0-8 EDN: XMCDVB
3. Бондарко А. В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии; АН СССР, Ин-т языкознания. Л. : Наука, Ленинградское отделение, 1983. 207 с.
4. Бондарко А. В. Теоретические проблемы русской грамматики. СПб. : Санкт-Петербургский государственный университет, 2004. 208 с.

5. Бондарко А. В. Теория морфологических категорий / отв. ред. С. Д. Кацнельсон; АН СССР, Институт языкознания. Л. : Наука, Ленинградское отделение, 1976. 254 с.
6. Бондарко А. В. Функциональная грамматика / отв. ред. В. Н. Ярцева; АН СССР, Ин-т языкознания. Л. : Наука. Ленинградское отделение, 1984. 136 с.
7. Вежбицкая А. Дело о поверхностном падеже // Новое в зарубежной лингвистике. М. : Прогресс, 1985. Вып. 15. С. 303–341.
8. Кобрина Н. А. Понятийные категории и их реализация в языке // Понятийные категории и их языковая реализация. Л. : Издательство ЛГПИ, 1989. С. 40–50. EDN: NNKTYH
9. Лосева Н. В., Брагина Т. В. Категория инструментальности в интерязыке (французском) искусственных мультилингвов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 2. С. 106–113. DOI: 10.17308/lic.2020.2/2846 EDN: KLUWXS
10. Мартынюк Е. В. Актант инструмент с точки зрения теории прототипов // Вестник ИГЛУ. 2014. № 2 (27). С. 82–88. EDN: SZWAHR
11. Рябкин С. А. Категория инструментальности: функционально-семантический аспект // Евразийский гуманитарный журнал. 2025. № 3. С. 15–22. EDN: DQETQX
12. Холле М. В. Инструментальные придаточные предложения и местоименные наречия как формы выражения категории инструментальности в современном немецком языке : дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2000. 194 с. EDN: NLROLD
13. Шустова С. В. Инструментальность в каузативной ситуации // Гуманитарные исследования. История и филология. 2021. № 3. С. 82–89. DOI: 10.24412/2713-0231-2021-3-82-89 EDN: YLSDKO
14. Шустова С. В. Инструментальность в семантическом потенциале глаголов русского языка // Гуманитарные исследования. История и филология. 2023. № 11. С. 49–61. DOI: 10.24412/2713-0231-2023-11-49-61 EDN: IRXAJT
15. Шустова С. В. Функциональные свойства каузативных глаголов: динамический подход. 2-е изд., испр. и доп. Пермь : Пермский государственный национальный исследовательский университет; Прикамский социальный институт, 2010. 248 с. ISBN: 978-5-91091-033-5 EDN: SFLVYZ
16. Ямшанова В. А. Категория инструментальности в немецком языке. Л. : Ленинградский финансово-экономический институт, 1991. 150 с. EDN: TOYCTL
17. Яркова В. В., Шустова С. В. Непрототипическая категориальная ситуация инструментальности (на примере глагола русского языка «Пилить») // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 5 (499). С. 42–49. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-499-5-42-49 EDN: GYWPBN

References

1. Apresyan Yu. D. Idei i metody sovremennoj strukturnoj lingvistiki [Ideas and methods of modern structural linguistics]. Moscow, Prosveshchenie, 1966, 302 p. EDN: PVZSJV (In Russ.).
2. Bondarko A. V. Glagol'nye kategorii v sisteme funkcional'noj grammatiki [Verb categories in the system of functional grammar]. Moscow, Izdatel'skij Dom YASK, 2017. 336 p. ISBN: 978-5-9500661-0-8 EDN: XMCDVB (In Russ.).
3. Bondarko A. V. Principy funkcional'noj grammatiki i voprosy aspektologii [Principles of functional grammar and issues of aspectology]. Leningrad, Nauka, Leningradskoe otdelenie, 1983, 207 p. (In Russ.).
4. Bondarko A. V. Teoreticheskie problemy russkoj grammatiki [Theoretical problems of Russian grammar]. Saint Petersburg, Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj universitet, 2004, 208 p. (In Russ.).

5. Bondarko A. V. Teoriya morfologicheskikh kategorij [Theoretical problems of Russian grammar]. Leningrad, Nauka, Leningradskoe otdelenie, 1976, 254 p. (In Russ.).
6. Bondarko A. V. Funkcional'naya grammatika [Functional grammar]. Leningrad, Nauka. Leningradskoe otdelenie, 1984, 136 p. (In Russ.).
7. Vezhbickaya A. Delo o poverhnostnom padezhe [The Case of the Superficial Case]. *Novoe v zarubezhnoj lingvistike* [New in foreign linguistics]. Moscow, Progress, 1985, iss. 15, pp. 303-341. (In Russ.).
8. Kobrina N. A. Ponyatijnye kategorii i ih realizaciya v yazyke [Conceptual categories and their implementation in language]. *Ponyatijnye kategorii i ih yazykovaya realizaciya* [Conceptual categories and their linguistic realization]. Leningrad, Izdatel'stvo LGPI, 1989, pp. 40-50. EDN: NNKTYH (In Russ.).
9. Loseva N. V., Bragina T. V. Kategoriya instrumental'nosti v interyazyke (francuzskom) iskusstvennyh mul'tilingvov [The category of instrumentality in the interlanguage (French) of artificial multilinguals]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya* [Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication]. 2020, no. 2, pp. 106-113. DOI: 10.17308/lic.2020.2/2846 EDN: KLUWXS (In Russ.).
10. Martynyuk E. V. Aktant instrument s tochki zreniya teorii prototipov [Actant instrument from the point of view of prototype theory]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Bulletin of the Irkutsk State Linguistic University]. 2014, no. 2 (27), pp. 82-88. EDN: SZWAHR (In Russ.).
11. Ryabkin S. A. Kategoriya instrumental'nosti: funkcional'no-semanticheskij aspekt [Category of instrumentality: functional-semantic aspect]. *Evrazijskij gumanitarnyj zhurnal* [Eurasian Humanitarian Journal]. 2025, no. 3, pp. 15-22. EDN: DQETQX (In Russ.).
12. Holle M. V. Instrumental'nye pridatochnye predlozheniya i mestoimennye narechiya kak formy vyrazheniya kategorii instrumental'nosti v sovremennom nemeckom yazyke [Instrumental clauses and pronominal adverbs as forms of expression of the category of instrumentality in modern German]. PhD thesis. Saint Petersburg, 2000, 194 p. EDN: NLROLD (In Russ.).
13. Shustova S. V. Instrumental'nost' v kauzativnoj situacii [Instrumentality in a causative situation]. *Gumanitarnye issledovaniya. Istoriya i filologiya* [Humanities. History and Philology]. 2021, no. 3, pp. 82-89. DOI: 10.24412/2713-0231-2021-3-82-89 EDN: YLSDKO (In Russ.).
14. Shustova S. V. Instrumental'nost' v semanticheskom potenciale glagolov russkogo yazyka [Instrumentality in the semantic potential of Russian verbs]. *Gumanitarnye issledovaniya. Istoriya i filologiya* [Humanities. History and Philology]. 2023, no. 11, pp. 49-61. DOI: 10.24412/2713-0231-2023-11-49-61 EDN: IRXAJT (In Russ.).
15. Shustova S. V. Funkcional'nye svojstva kauzativnyh glagolov: dinamicheskij podhod [Functional properties of causative verbs: a dynamic approach]. 2th ed., Perm, Permskij gosudarstvennyj nacional'nyj issledovatel'skij universitet, Prikamskij social'nyj institut, 2010, 248 p. ISBN: 978-5-91091-033-5 EDN: SFLVYZ (In Russ.).
16. Yamshanova V. A. Kategoriya instrumental'nosti v nemeckom yazyke [The category of instrumentality in German]. Leningrad, Leningradskij finansovo-ehkonomicheskij institut, 1991, 150 p. EDN: TOYCTL (In Russ.).
17. Yarkova V. V., Shustova S. V. Neprototipicheskaya kategorial'naya situaciya instrumental'nosti (na primere glagola russkogo yazyka «Pilit'») [A non-prototypical categorical situation of instrumentality (using the example of the Russian verb "to saw")]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University]. 2025, no. 5 (499), pp. 42-49. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-499-5-42-49 EDN: GYWPBN (In Russ.).

Информация об авторе

Т. Г. Горин – аспирант, кафедра зарубежной филологии,
Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Information about the author

T. G. Gorin – Postgraduate Student, Department of Foreign Philology,
Perm State University.

Статья поступила в редакцию 20.01.2026; одобрена после рецензирования 25.03.2026;
принята к публикации 20.04.2026.

The article was submitted 20.01.2026; approved after reviewing 25.03.2026; accepted for
publication 20.04.2026.